

Олег Павловский

СТРАНСТВО

Поэма

Здесь рос кустарник одичалый
и пахло плесенью, когда
раскачивалась у причала
неволью невиская вода...

У той воды был запах схожий —
так с ветром сходится мечта,
так парусина пахнет кожей
и краской пахнет чистота...

У той воды был запах прежний
и сладко плакала она —
полуразвернутая между
мною и причалом глубина.

0

Как телка белая, как телка,
что носом тянется к руке —
лизать готовая котел, как
холодный камень на песке.

С нашлапкой розовой, как телка
и в пятнах охры, без прикрас,
как первоклассница на елке.
и в белом фартучке как раз.

Как телка смиренная, как клетка
от снегира на волосок —
для разбазарившего лето
на воду, небо и песок.

И возле бочки с купоросом,
ведерком цинковым брэнча,
причал раскачивая, носом
как телка тыкалась в причал!

А ты, мечтая о разлуке
и забывая о словах,
склоняя голову, а руки
протягивая к островам —

не позолоту рук, а взоры
бросая прочь-из-под руки
на острова, где в эту пору
казалось жили огоньки,

или поддерживали небо
как бы подобием свечей
те огоньки — как-будто не бы-
ло белых пасмурных ночей.

О

И летом ветренным и вадорным,
слизавшим пыль на ветровых
зрачках ночных таксомоторов
и влагой благостной омыв-

шим стены, крыши, парапеты,
дворцы, особняки, дворы,
проезды, улицы, /пусть это
не волновало до поры/,

и летом ветренным и мокрым,
холодным, кисло-молодым
казалось: отбываем срок мы
до всепрощающей воды.

О

За донцем хрупкого бочонка,
за звонким донцем анкерка
вода — отнюдь не обреченно —
прохладно, тягостно слегка —

она не сознавала: это
не влага — просто холодок
изысканный как в стиле "ретро",
но обжигающий ладонь

руки изменчивой как танец,
в кольце белеющих браслет...
вокруг — мулат, внутри — китаец
и как черешина — на свет!

Руки ни чьих прикосновений
не испытывавшей никогда...
А впрочем — свет, за светом — тени
и это таинство — вода.

О

За старым элингом лежала
и как высокая оса
звенела — не для горожанок —
оставленная полоса...

И парижанки не изящней,
и горожанки не смелей
та полоса дарила счастье
зимой ватаге снегирей,

или под зноем — тонким осам
тех артистических верхов,
где делё-в-талиш... — матросам
волны и плеска лопухов.

О

Ах, полоса! Как это мало
сказать: в полоску карусель,
полоска — ленточка канала...
Как-будто дело в полосе!

Полоска жизни на ладони
и нас заводит иногда
то в звоны струн, то в ропот коней,
а кони чуткие к ладам...

Она вела, вела по кону
азартно — будто бы присев...
пред капюшоном Витингтона...
А может — нет ее совсем.

О

А может не было, ты спросишь,
разнополосицы твоей?
И сразу начиналась осень
за чистым выдохом дверей?

Разноголосицы? И после
отбора конкурсных прыжков —
как-будто Мебиуса возле,
но и с обратной стороны?

Полоски узкая пружина
как заведенная юла,
то вздрагивала, то дружила,
то пела, ссорилась, цвела!

То ровным строем партитуры,
то перекличкою посуды,
то жрицею литературной
несла эпитет на весу ты...

О

Репейник цвел. Слетались только
похожие на желтых пчел
на полосу из водостойкой
и чисто вымытой еще

упрямой плоти дикоцветья...
Казалось не хватало сил
о дете помечтать — заметьте! —
седьмому месяцу почти.

Но шелестело по проспектам
неслышно, словно неглиже
оно с утра являлось — это
седьмому месяцу уже.

о

2

Канал. Как иероглиф жил он
и, с типографией играя,
он походил на старожилу,
а типография — не знаю...

Он походил на пруд с лазейкой
из сада к краешку песка...
Но нам с тобой и с длинной рейкой
к нему не вырваться никак!

Когда б ему гордиться этим
и, влагу медленно пия...
А он как иероглиф метил
на небо прыгнуть с острия!

о

На отмели, где вязли ноги
и речь, и редкая трава
речной томился теплоходик —
так называемый трамвай...

И ни следа от свежей краски
не умещалось на изгибах —
одна лишь грация. И... раз, и
два... и грация погибнет!

Одна лишь грация и эхо,
неосторожно убывая...
И нехватало человека
давно порожнему трамваю.

Но вот скользнула вдоль планшера,
ни капли не переживая,
как в пантомиме: от ужимки
к другой. Не грация — живая...

О

Ты знал ее. И этот крупный,
картавый, каверзанный, чумной —
он исходил от самых губ и
таял где-то за спиной,

он походил на обещанье
как корабли на карасей...
Ну хоть немного помолчала б
и не ходила в полосе!

Ведь полоса была некчемной,
ничейной более того...
Ты знал: ее зовут девчонка!
Она — по имени его...

О

Канал, канал! Нас было трое:
канал и я, и полоса,
где солнце золотило брови,
а небо таяло в глазах.

Нас было ровно столько, будто
много не было числа.
Как были мы сиюминутны!
Как блеск на лопасти весла

мы были как бы у порога, ...
как след и поступь колеса...
Как-будто начал от второго,
а вот — от первого лица!

О

В конце июля стало проще
смотреть в лицо, глядеть в глаза
и понимать — идешь наощупь...
не поворачивать назад,

не улыбаться очень смело,
но волноваться про себя,
тайком-сглядывая тело...,
не возгораясь, не любя

еще... не ведая и мысли,
что только гиблая листва
как дождик надает из выси,
не распадаясь на слова.

И для единственного слова
один невыносимый миг
сстрет причал и-рыболовов,
и как птенец заговорит!

О

Не талка белая, но клетка
для говорящего скворца —
она покачивала светлым,
как свет любимого лица,

она раскачивала точным
пятном на зелени воды ...
как бы пронизывая толпу...
сама себе и поводья,

и увлекаемая лодка ...
одним движением плеча, ...
и парувом надутом плотно...
И лишь немного горячась.

И ты немного горячилась
и мешкала на рубеже
причала — будто без причины,
но это следствие уже!

Но это странствие по лету
и по стремленью своему
бродить темнеющей Монетной...
или, разглядывая тьму

ночной и блещущей Фонтанки —
в ней — отражение свое...,
Не так ли, — вздрагивать, — не так ли
мое желание поет?

Мне эта музыка приснилась,
а вдохновение пленяло,
казалось — маленькая милость —
такая милостная малость!

Казалось — странствие по счастью
и очарованность движеньем —
они стнюдь не непричастны
к пленительному "неужели"!

И эта музыка — немая...
Но с невоздержанностью мота
она твердит: — Внимай, внимай мне!
Внимай как Золушка гавоту,

внимай и ты как Маргарита
словам и вкрадчивым и кратким...
И эта музыка царит, и
эта музыка прекрасна,

и эта музыка не мимо —
ходом услышанная — словно
движенье маленького мима
перерастающее в слово,

и эта музыка как книга
распахнутая на странице,
где час перерастает в миг и
быль растет из небылицы.

Она не контурная карта
очерченная на ладони,
но мановением азарта
врасплах захваченная в доме,
где мановению и жесту
казалось не хватало только —
еще не странствия, но шествия
растущего из ~~внезапного~~ вдоха...

о

з

О! мановение, скажи мне —
ты только медленно скажи,
слегка подталкивая — "живо!",
и замирая — "не дыши..."

Броди, не причиняя боли
подошвам, улицам, пескам...
И как настойчивый католик,
лаская взглядом облака,
не простирая рук как падре
перед скучающей толпой, —
и повторяй, и пой, и падай ...
в объятья нежного — "постой..."

Но только музыка и мука,
ломая белые персты,
чуть вдохновительнее звука
не выудит из темноты!

И это странствие, и счастье
водить вдвоем по вечерам ...
как за руку, как для причастья
еще не точное — "пора"...

И не заламывая пальцев, —
О! неразгаданное "ТЫ"! —
вплетать как в призрачные пальцы
свое внимание в мосты,

вплетать серебрянный и медный,
звнящий, вздрагивающий звук...

Когда-то с бала на "Тотлебен"
в каютном, палубном...

к тому ж
вплетали собственные легче,
чем тени в тесные —
тела —
в мундиры,

словно темень речи
во фразу точную ввела...

Так вспоминая то, что не бы-
ло грешным, пагубным, твоим,
ты повторяешь: только небом
уже и можно напоить

мое дыхание и след мой
на чутком, чувственном песке... —
ее и мой. И на Монетной
ее растает манекен,

и мы расстанемся как руки.
протяжно, гордо, горячо...
Не помышляя о разлуке,
мы только нравимся еще...

О

Тотлебен. Что это? Наряды,
офортик в рамке, отзвук шпор?
Царящий воинский порядок,
герои, бастионы?...

Форт.

Последний из непосещенных
гордячкой смуглой как султан,
он не приманивал девчонок,
но радостная суэта!

но радостная суета!

И ночи белые как птицы
над сизо-синей полосой,
что не за ветренность так чтится,
а за наплыв ее косою

на борт наветренный и скользкий
как телка гладкая точь в точь
под дождиком... Подумай, сколько
ты будешь помнить эту ночь?

о

И ты уже не позабудешь —
тебе никак не позабыть
глаза холодные как будни,
словечки резкие как "брысь"! —
— Катись на катере паценка! —
И сколько раз не повторяй
грубей ли, плавнее, чем в танго
или склоненные в рояль...

Внушительней или приличней,
иль ветерком по волосам...
Не зарекайся. В это лично
я не поверил бы и сам.

о

А ты, еще не доверяя,
мальчишка, собственник, фразер,
как бастион непокоряем
и не прощающий за все,

что лишь тебе противореча,
как небу ленточка тумана
претит... заметь: но как беспечно,
спокойно за руку поманит

и на руке оставит почерк
холодных маленьких ногтей,
и вот начнутся многоточья,
и вдох, и выдохнуть не смей!

О

Не смей, упрямая, ни вздрогнуть,
ни резвым обручем крутить
как бы забытую подробность,
как сон утерянную нить,

не жди, нахальная, насмешки
взамен неловкой суеты
не потому, чтобы замешкав-
шись, а просто — это ты,

сама себе не доверяя,
ломая логики лекало,
неровным почерком — не рябью
воды — но подчерком нахальным
наискосок:

— А ну, попробуй!

Замри, зажмурившись войди
в невероятные хоромы,
где только шепот впереди,

и только розовые бредни,
и неразверзнутая тьма,
и свет — как топчешься в передней
и кажется сойдешь с ума...

О

Нас двое. Лодка. Штиль. Холодный бриз,
а может быть не бриз покой сменяет,
а просто ветер стих. И кружится круиз
импровизантный и исполненный слиянья.

Мы растянулись светлым косяком —
шесть тихих птиц покачивают снасти,
но еле-еле... Мыслимо ли в ком
хоть слабое предчувствие ненастья?

О! лучше бы головомойки, мзды
за нетерпенье... Или даже проще:
такое ощущение, что ты
никак не соберешься в гости.

И вероятно розовеет снег
в каком-нибудь альпийском переходе...
Темнеет. Штиль. Не сон и не ночлег.
И в воду загляделся пароходик...

О

Часть кончена. Ты — в пол лица —
едва угадывается профиль —
готовая и порицать,
и губы дуть, и сунуть брови,

или немедленно на "вы",
едва оглядывая профиль
в ночи. И ночь, и часть — увы! —
закончена. И будет пробит

тот час, та точка бытия, ...
что тихой секундой бродит...

Конец. Конец главы, моя
смеющаяся в фас и в профиль.

О

4

Не знаю как тебя благодарить!
Наверное боязнь внушает утром
не голос, что не смел заговорить,
а полость водяного перламутра.

Так по утрам заглядывает в дом,
чуть мельтеша в глазах и занавесках
немного грустный, радостный притом
и озорной — из записных повеса —

не света блеск... Однако угадай,
найди на ощупь правильное слово
горячее как мыльная вода
и точное как запись протокола...

Ах! Этим утром, запахнув халат
в купе вагона, в загородной даче
улыбчив и немного мягковат
присяжный или народный заседатель,

ногой переступая полосу —
немного солнца на крыльце веранды, —
без колебаний отдает на суд
жестянку кофе с фразой из корана...

Ах, это утро — розовая муть! —
и, расправляя паруса, и плечи —
и движемся, и хочется заснуть,
и тянет к звукам экзотических наречий...

О

Не говоря напрасных истин,
но изредко произнося
слова, что в воздухе повисли
и паутиною висят,

перемолчим, пока надежда
не прикоснется горячо,
сменив упрямую одежду
на осторожное плечо.

И как во сне — плеснет фанданго! —
перилла, лестницы, фонтан,
цветная неаполитанка,
цветущий неаполитан...

И как во сне, который тает,
небезопасно вспоминать
сырое зарево потади
и позолоченную прядь

волос остриженных — не локон,
сентиментальный завиток
волос остриженных — а роком
заброшенных на волосок

от вырастающего "завтра"
из непрерывного "вчера" —
взыскующего или запро-
сто растающего в прах...

О

Мой птицелов, и ты забудешь неси
птиц любопытных, глупых и веселых,
свисток уронишь, клетку перевесишь,
запутаешь силки, рассыплешь зерна...

На отмели, где утопали травы
в песке, шурша колючки кувыркались —
мы, поздние любители отравы
затерянного терпкого дыхания,

мы — водяные северные твари
и в пятнадцатилетнем гибком теле —
в небьющейся и негорючей таре
проносим наши легкие потери...

Мне думается, ты меня не вспомнишь —
забудешь как о выдуманной мне,
затерянной в тиши окон и комнат,
в копилке зеленеющих монет...

Мой птицелов, и ты забудешь отмель
и как звенела злая стрекоза,
когда ворча готовилась наотмашь
ударить в землю синяя гроза...

Но мы с тобой целехоньки остались —
я твой слепец, угрюмый-поводырь, —
казалось: вот-немного — и растаю
в смятенье ниспадающей воды.

Убогий кров — осколок парусины —
трещал как плащ, шумел как карнавал
и нас, — двоих укромных поразительно —
с трудом и неохотно укрывал...

О

Край неба бел как разъяренный герцог
и целил градом в целую полу,
и все мое испуганное сердце
не умещалось в этот поцелуй!

Я как-то недолюбливаю слякоть
и не люблю скрываться и терпеть —
какая жалость! — не умею плакать!
и не умею ластиться и петь.

Ты грубоват и я немногим лучше,
ты угловат и попросту — балда!
Мы ничему такому не обучены —
есть отмель, мы есть, дождик — ерунда!

И есть один лоскут по крайней мере,
один наклон нечесанных голов...
Мой птицелов, когда-нибудь поверишь ли?
Что ты птенец, а рядом — птицелов?

И сколько бы гроза не творжилась,
с дождем договорившись на паях...

Моя душа — упрямая пружинка —
я женщина, в ней — маленькая я...

О

Не смей, упрямая, не смейся
и просыпайся не спеша.
Был сумрак, штиль — ну хоть повесься,
ты, пресноводная душа!

Разиня! Геную полощет!
Вам генуэзкою не быть,
мадмуазель! Бывайте проще.
Но я приковывал рабынь
к веслам египетской галеры —
вот назидательный гарем!

Ну, что ты делаешь, холера?!
Как телка глупая совсем!

И телка белая, как телка,
почуяв свежую траву,
проделывает круг почета —
пусть кувырком, но на плаву!

Ну, наконец-то! Наша рота —
шесть белых маршевых утят
все вдруг метнулись к повороту
и словно лебеди летят.

Не торопись, теряем ход мы —
стоянка, сети, суета...

Я вспомнил грозовую отмель...

Но режет фалы капитан.
Он сам из города Бердичев,
где только сахарный завод
и есть... а все-таки придирчив,
скупой бердичевский народ!

Как сахар белого каленья
полотна белые легко
на abordаж берут "Тотлебен" —
не как-нибудь, а босиком.

Как занесло тебя девчонка
на отмель? И собой само —
не помню — где-то и почему-то
мы покупали эскимо,

Я не выискивал причины —
она сама нашлась и вот...

А впрочем — здесь одни мужчины!
/Не каждый — через одного!/
..

5

Прощай, Тотлебен! Мы дотлеем —
прощай, Тотлебен, ты прости
сухую горсточку поленьев
оставленную на пути

назад... И мы дотлеем точно
как тлела резвая оса —
над парусом, звеня заочно,
но так — что резало в глазах!

Как тлела, пела и просила
у снастей спаянных в одно
как бы подобие росинки ...
в двойной шестерке домино...

Про то, как ей невыносимо,
как в ней немислимо поет,
что как бы вплавь ее носило
часа четыре напролет...

0

Прощай! Раскачивая остов
к нам приближается причал.
Под занавес слетались осы,
а птицы чистые — сейчас!

Прощай! Мы проживем-не шурясь
на ослепительный лоскут,
на неба вдох, на вздохи улиц,
что даже вздохи берегут,

не то чтоб шаги... Шагаем,
лакаем лаковый асфальт...
то под дождем, то по шакалям
оглядываясь, но фатально

оглядываясь на прохожих, посмеиваясь на ходу:
Прощай! Ты пережит и прожит,
последний, брошенный редут...

О

Я понимаю — мы осколки,
скорлупки пляшущие в такт...
Что я? Я просто комсомолка,
а он, наверно, просто так...

Увы! Знакомство без фамилий —
вот занимательный пробел,
когда такое изобилие
имен и телефонных дел...

Я позвоню через неделю,
или оставлю телефон...
Ну-ну! Вы мало надоели
Мерси, мсье-маэстро-фон...

О

Поговорили. Очень надо! —
Мне ваше складное пока,
как дождь под зонтиком в парадной
и не складным наверняка!

Стоишь как выпрыгнул с балкона
под зонтиком на кустик роз —
попачкан, несколько поколот
и весь колючками оброс...

Хорошенькое положение!
Еще подумает, что он...
Однако — есть прием вторженья
и способ, то есть телефон...

О

Когда бы черт меня не сунул
к тебе за крашеную дверь
и я тебя почти босую,
нечесанную и в аме-
риканских фирмы — это ж надо!
А, знаешь? Как-то наплевать...

Трепал пальто сквозняк парадной
и позолоченную прядь
волос остриженных — не локон,
сентиментальный завиток
волос остриженных — а роком
от локона на волосок...

Вот мы и топчемся, и только
с-ноги... и хочется сказать
как мне не нравились ни сколько
твои некчемные глаза
и рот очерченный, и крупный,
картавый, каверзный, чумной...
и было как-то не до губ и
того, что было за спиной...

Но если руки ловят воздух
и как бы падают, спеша
как бы сказать: еще не поздно...
Уже не складки вороша,
или уже кусая локон —
как ворот легкого пальто —
волос остриженных неловко
и непричесанных притом...

Какого черта мы лепечем —
иль это праздная листва
как дождик падает на плечи,
и превращается в слова?

И ты, единственное, только
пусть надвое — и сердце, и
скорлупку — на две равных дольки
и как птенец заговори!

И ты, единственный посредник,
подкрадывайся как в туман
за дверь... Мы все еще в передней
и кажется сошли с ума...

ooooooooo